

3 Баришніков М.Р. Міжнародне медичне право та його вплив на медичне законодавство України [Електронний ресурс]. // http://www.health-medix.com/articles/liki_ukr/2008-05-21/188-190.pdf.

4 Стеценко С.Г., Стеценко В.Ю., Сенюта І.Я. Медичне право України: підручник / за заг. ред. д.ю.н., проф. С.Г. Стеценка. – К.: Всеукраїнська асоціація видавців «Правова єдність», 2008. – 507 с.

5 Стеценко В.Ю. Предмет, метод і система медичного права // Медичне право України: проблеми становлення та розвитку. Матеріали I Всеукраїнської науково-практичної конференції 19-20.04.2007, м. Львів – С. 297-301.

5 Дерик О.З., Кольцова Н.І, Сорока О.Я., Павлишин Я.І. Медичне право в системі вищої медичної освіти в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/Chem_Biol/Sjgz/2008_4/PH_N4_2008_18.pdf.

6 Сіроштан О. Які права у «Медичного права»? // Журнал *Therapia* № 6 (27) 2008. – С. 5-7.

7 Гладун З.С. Концептуальні засади державно-правового регулювання відносин у сфері охорони здоров'я населення // Медичне право України: проблеми становлення та розвитку. Матеріали I Всеукраїнської науково-практичної конференції 19-20.04.2007, м. Львів. – С.73-79.

8 Права людини в галузі охорони здоров'я. – Харків: Права людини, 2011 р. – 176 с.

9 Опубліковано фінальну версію Національної стратегії реформування системи охорони здоров'я в Україні. Стратегічна дорадча група з питань реформування системи охорони здоров'я в Україні // <http://healthsag.org.ua/>

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Пузиков Р.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, Россия

Производным от принципа научной обоснованности правовой политики является принцип научности правотворчества, поскольку правотворчество – одна из форм реализации правовой политики.

Представляется целесообразным раскрыть основы практической реализации принципа научной обоснованности правовой политики через анализ принципа научности правотворчества.

Принцип научности предполагает, что методы, средства, формы и содержание нормотворческой деятельности должны опираться на выводы и рекомендации науки, проверяться на практике.

В связи с этим заслуживает внимания вопрос разработки фундаментальной теории нормотворчества, которая содержала бы четкие и обоснованные ответы на многие вопросы методологии и технологии нормотворческой деятельности.

В настоящее время нормотворческая проблематика активно вовлечена в процесс научного осмысления. Вместе с тем говорить о том, что в настоящее время сформировалась полноценная теория нормотворчества, не приходится.

Показателем научного подхода к организации нормотворческой деятельности является профессиональное использование на практике возможностей правового мониторинга, опираясь на который, можно определить цели и механизмы необходимого правового регулирования. Мониторинг правоприменения на современном этапе является одним из самых эффективных инструментов наблюдения за состоянием и развитием социально-правовых процессов, оценки качества принимаемых правовых решений.

Показателем научности нормотворческой деятельности является активное использование современных информационных технологий, методов моделирования, прогнозирования и социально-правовых экспериментов. Становится все более очевидным, что прорыв на этом направлении связан с созданием новых правовых механизмов, сопряженных с современными информационными технологиями. Качественным отличием этих механизмов должна стать автоматизация процессов сбора, накопления и обработки правовой информации, проведение, хотя бы частично, автоматизированного анализа правовых норм, стандартизация и унификация правовых решений. Только при таких условиях можно рассчитывать на упрощение нормотворческого процесса, сокращение разрыва между существующей и требующейся

скоростью создания новых правовых решений, облегчение работы с нынешним громадным, запутанным и неупорядоченным массивом правовой информации [1, 397-423].

Уже давно никто не оспаривает тот факт, что на всех стадиях нормотворческого процесса должны привлекаться ученые, специалисты своего дела, эксперты, консультанты.

Так, обязательным является проведение независимой экспертизы в отношении проектов административных регламентов по выполнению государственных функций и оказанию государственных услуг [2].

Положительно себя зарекомендовала, в частности, деятельность Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой деятельности, который существует с 1992 года. В него входят видные ученые (и не только юристы), включая представителей других ведомств и научных сообществ. Задачами совета являются организация комплексной оценки подготавливаемых и действующих в Российской Федерации программ, инициатив и нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов внутренних дел и внутренних войск МВД России; прогнозирование перспективных и текущих потребностей системы министерства в нормативно-правовом обеспечении; выработка предложений по совершенствованию нормотворческой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Предметом обсуждения на совете были проекты всех наиболее принципиальных федеральных законов, разработанных министерством: Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об оружии», «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и др.

Научный подход – это еще и тщательный просчет вариантов достижения поставленных целей. Из максимально возможного числа способов правового воздействия выбирается тот, который в создавшихся жизненных условиях общества является оптимальным. При выборе варианта учитывается все многообразие правообразующих факторов – экономические, социальные, образовательные, морально-психологические и другие объективные моменты утилитарного бытия.

По справедливому замечанию К.В. Шундикова, «законодателям сегодня нередко не хватает необходимых знаний и опыта в выработке концептуальных, стратегических моделей развития, государственной власти сейчас следует смелее привлекать к подобной работе наиболее авторитетные крупные научные центры. Именно в подобных учреждениях и должны разрабатываться (или, как минимум, проходить обязательную экспертизу) проекты юридических документов концептуального характера». Кроме того, ученый отмечает, что «целые отрасли законодательства опираются на явно устаревшую, не адекватную сложившимся реалиям инструментальную базу, а стало быть, определенные сферы социальной жизни развиваются неоптимально» [3, 74].

В качестве примера можно привести ряд научных статей юристов-ученых, которые в последующем были воплощены в нормативных актах. Так, еще в 1996 году доктором юридической наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации Э.Б. Мельниковой была разработана теоретическая концепция Российской модели ювенальной юстиции [4], и уже в июне был подготовлен проект Закона о ювенальной юстиции в Российской Федерации, который полностью разработан на основе теоретической концепции вышеуказанного автора [5].

Необходимо отметить, что в связи с отсутствием единой юридической доктрины в России основная масса принимаемых нормативных правовых актов противоречит очень многим международным стандартам. Так, согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», однако не только суды, но и адвокаты не используют международные правовые нормы при разрешении конкретных правовых споров. Кроме того, в связи с отсутствием юридической доктрины России существует множество нарушений в законодательной базе Российской Федерации. Так, в связи с меньшей прорабатываемостью федеральных законов по сравнению с кодексами или федеральными конституционными законами, в первых отмечается гораздо больше пробелов, коллизий и иных правовых проблем [6, 106].

Необходимо также указать на несомненную обязанность законодателя стремиться к тому, чтобы его нормативно-правовые установления с предельной полнотой соответствовали объективным реалиям и закономерностям.

В данном процессе может эффективно участвовать юридическая доктрина, поскольку она позволяет видеть не только статику правовых норм, но и динамику развития регулируемых ими общественных отношений. Она не только констатирует те или иные правовые явления, но и является своеобразным прогнозом предвидения ситуаций, которые могут складываться в сфере правового регулирования. Как показывает опыт современного правотворчества практически всех отраслей права, огромный массив выработанных юридической наукой норм-дефиниций, правовых отраслевых принципов, положений и др. оказался востребованным. Примером тому могут служить положения принятых впервые в истории России Бюджетного и Налогового кодексов. В частности, это касается определения в качестве налогоплательщика не юридических лиц и их филиалов, а организаций.

В силу того, что, в отличие от юридической доктрины, которая вырабатывается юристами, специализирующимися на занятии наукой, правотворческая деятельность осуществляется профессионалами не только различных отраслей знаний, и не только учеными, но и практическими работниками, можно согласиться с высказыванием А.В. Лукашевой о том, что «уровень закона никогда не превысит уровня научно-теоретических познаний, существующего в конкретном обществе в данный временной период» [7].

В основе предлагаемого определения лежит посылка, согласно которой правотворческая ошибка есть результат несоблюдения законотворцем каких-либо общепринятых требований, стандартов, правил.

Здесь следует также отметить тот факт, что на современном этапе колоссально увеличилось число научных исследований в области права, ныне их авторы не связаны политическими догмами, что является не только необходимым, но и достаточным условием для того, чтобы законодатель полноценно претворял в жизнь достижения юридической науки. Правотворческий процесс является промежуточным этапом между научными исследованиями и их практическим применением. В противном случае будет очевидной тщетность усилий ученых, работающих в конечном счете в целях совершенствования процесса правового регулирования.

Раскрывая вопрос об использовании юридической доктрины России в законотворческом процессе, необходимо особое внимание обратить на тот факт, что отсутствие единой юридической доктрины страны приводит к такому негативному явлению, как законотворческие ошибки.

Активизация роли науки в формировании правотворческой политики и в законотворчестве – необходимая предпосылка повышения качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм.

Нельзя сказать, что тезис о необходимости научного обеспечения законотворчества не претворяется в жизнь. Обе палаты Федерального собрания, президентские структуры, Правительство РФ, Министерство юстиции РФ и другие федеральные органы государственной власти достаточно широко привлекают научных работников к подготовке законопроектов. Множатся научно-методологические и консультативные советы. Проводятся общественные слушания законопроектов. К сожалению, это не всегда приводит к научной обоснованности правотворческой политики и принимаемых законов.

В качестве причины следует, прежде всего, назвать не всегда высокий профессионализм как самих разработчиков и экспертов, так (главное) и тех, кто формирует правотворческую политику и принимает решения по законопроектам, учитывая либо не учитывая (по своему усмотрению) экспертные оценки [8, 192]. К этому следует добавить, что сам выбор разработчиков правотворческой политики и законопроектов, а также проводящих их экспертизу лиц полностью оставлен на усмотрение приглашающих должностных лиц, далеко не всегда являющихся специалистами в соответствующей области. Имеют место случаи, когда разработчики и эксперты отбираются по сугубо субъективным, личностным критериям.

Очевидно, что повышение научной обоснованности подготавливаемых научными учреждениями и отдельными учеными предложений о формировании правотворческой политики, разработке и экспертизе законопроектов в первую очередь связано с экономическими проблемами и упирается в материальную независимость ученых. Вместе с тем, достичь определенных положительных результатов в данном вопросе возможно хотя бы частично и с помощью мер организационного порядка. К их числу следует отнести проведение независимой научной

экспертизы всех рассматриваемых законопроектов, в том числе и альтернативных, а также экспертизы планов законоподготовительных работ.

Кроме того, следует законодательно закрепить статус эксперта: его право участвовать в рассмотрении соответствующей концепции проекта, самого законопроекта и их обсуждения, право на вознаграждение за проведенную экспертизу, право выступать в средствах массовой информации в поддержку отстаиваемой им точки зрения по ходу обсуждения рассматриваемой концепции (законопроекта).

Потребность в научном обеспечении и обоснованности правотворческой политики и всего процесса законотворчества связана с усложнением подлежащей правовой регламентации материи, а также с ростом и расширением демократических начал создания и совершенствования законодательства как на федеральном, так и на региональном уровнях. Участие научно-исследовательских институтов, вузов, отдельных ученых и специалистов в формировании правотворческой политики, создании планов развития законодательства, в разработке концепций будущих законов и отработке их текста выступает как одна из форм участия заинтересованной общественности в процессе законотворчества.

В подтверждение сказанного следует сослаться на мнения ученых в области отраслевых правовых наук, которые отмечают важное значение доктринальных разработок для правотворческой деятельности. В частности, Ю.Н. Старилов рассматривает науку административного права в качестве теоретических положений и методологических основ, обеспечивающих процесс изучения, исследования, анализа и разработки предложений, рекомендаций и концепций по вопросам правового регулирования отношений в области организации и функционирования публичного управления. Современная отечественная наука административного права, по мнению указанного автора, тесно связана с деятельностью законодательных органов, важным стимулом для работы которых является научный анализ. Связь между развитием административного права и законодательными органами, как отмечает Ю.Н. Старилов, выражается, в частности, в участии ученых-юристов в рабочих, консультативных и экспертных группах по подготовке проектов законодательных актов [9, 32].

В свою очередь М.В. Карасева, оценивая значение влияния рыночной экономики на механизм финансово-правового регулирования, говорит в связи с этим о возрастании в современных условиях производительных сил науки финансового права [10, 45].

Таким образом, юридическая доктрина является теоретической основой для разработки и принятия нормативных правовых актов. В связи с этим следует установить статус юридической доктрины как источника права в идеальном смысле. М.Н. Марченко, подробно анализируя эволюцию понятия «источник права», приходит к выводу о том, что «источник права, как и само право, непозволительно определять лишь в одном каком-либо аспекте, однозначно». Ссылаясь на исследования Г.Ф. Шершеневича, М.Н. Марченко приводит следующие трактовки данного термина: а) силы, творящие право (например, когда говорят, что источником права следует считать волю Бога, волю народную, правосознание, идею справедливости, государственную власть); б) материалы, «положенные в основу того или иного законодательства» (в частности, труды ученого Потье – для французского Кодекса Наполеона); в) исторические памятники; г) средства познания действующего права, например, когда говорят, что «право можно узнать из закона». При этом в контексте того, из чего черпается право, он рассматривает естественные источники права, социальные и материальные. В рамках понятия «социальный источник» им выделяются такие его аспекты как собственно социальный, политический, идеологический, культурулогический и т.п. На наш взгляд, именно в круг указанных черт должна входить юридическая доктрина как важнейший теоретический компонент, воплощающий в себе все сущностные черты правовой догмы того или иного периода времени [11].

Научный фактор должен пронизывать законотворческую деятельность на всех стадиях подготовки и принятия законов: в процессе планирования законодательных работ; в ходе работы по подготовке законопроекта; во время рассмотрения, обсуждения, доработки и принятия проекта закона в парламенте; при подготовке заключения на законопроект участниками законодательного процесса и привлекаемыми для этой цели экспертами и т.д.

Научность правотворчества предполагает необходимость планировать правотворческую работу, изучать правоприменительную практику, просчитывать и прогнозировать последствия принятия данного нормативного правового акта и стараться предусмотреть «побочные социальные последствия, не отвечающие целям законодательной политики» [12, 120]. Закон продолжает оставаться произвольным, субъективным установлением законодателей, и это

приводит к выводу о том, что вряд ли этими лицами просчитываются и прогнозируются социальные последствия действия нового правового акта [13]. Иначе как объяснить тот факт, что более 80% актов федерального законодательства являются законами о внесении изменений и дополнений в действующие законодательные акты? [14, 496] С середины 90-х годов XX века по настоящее время было принято 20 кодексов Российской Федерации и за это время в них было внесено около тысячи поправок [15, 495]. Негативная тенденция поправочного законодательства сохраняется в России уже на протяжении двух десятков лет. Причин этого явления множество, но главные среди них – несоблюдение принципов научности, профессионализма, отсутствие прогнозов последствий действия принятого акта, стратегического планирования правотворческой деятельности и т.д. Сами законодатели признают этот факт: «Самое главное – нужно научиться предвидеть последствия принятия закона не только в рамках той правовой отрасли, которую он призван регулировать, но и во всей системе жизнедеятельности общества, государства и конкретного человека. Это наиболее трудное звено российского законодательного процесса».

Кроме того, «обилие изменений, вносимых в законы, быстрая смена принятых норм затрудняют информирование тех, кому законы адресованы» [16, 68], что не способствует формированию у населения доверия и уважения к праву. Также нельзя не отметить отношение депутатов Государственной Думы к законодательному процессу. По телевидению регулярно показываются репортажи из практически пустого зала заседаний Государственной Думы, но изменений в правосознании наших народных избранников незаметно. Вряд ли подобное поведение законодателей укрепит уважение и доверие избирателей к закону.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что на сегодняшний день реализация принципа научной обоснованности правовой политики носит фрагментарный характер и не характеризуется повсеместным проявлением, что не может не сказаться на качестве правотворчества и правоприменения, и это наносит ущерб всему процессу правового регулирования.

Список литературы:

1 Голоскоков Л.В. Методология исследования модернизации права: классический и информационно-коммуникативный подходы // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2007. – 560 с.

2 Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2005 г. № 679 «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг)» // СЗ РФ. 2005. № 47.

3 Шундилов К.В. Механизм правового регулирования : учеб. пособие / под ред. А.В. Малько. Саратов : СГАП, 2001. – 104 с.

4 Мельникова Э.Б. Проект концепции Российской модели ювенальной юстиции // Правозащитник. № 1. 1996. С. 22.

5 Проект закона о ювенальной юстиции // Правозащитник. №2. 1996. С. 42.

6 Пузилов Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики. Тамбов, 2003. - 213 с.

7 Лукашева А.В. Законодательские ошибки // Гражданин и право 2000. № 3. С. 11.

8 Поленина С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : НОРМА, 2003. – 528 с.

9 Стариков Ю.Н. Административное право. Учебник. - 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. - 928 с.

10 Карасева М.В. Финансовое право. Общая часть : учебник. М. : Юристъ, 1999. – 256 с.

11 Марченко М.Н. Источники права: понятие, содержание, система и соотношение с формой права // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11 : Право. 2002. № 5. С. 5–7.

12 Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. – 256 с.

13 Каменская Е.В. О несоблюдении принципов правотворчества // Международная и внутригосударственная правовая политика в условиях глобализации: проблемы теории и практики : сб. ст. по материалам III ежегод. междунар. науч. конф., 13–15 октября 2011 г. / под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова ; Рос. акад. наук [и др.]. Тамбов, 2011. С. 138.

14 Доклад Совета Федерации Федерального собрания РФ 2008 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. М., 2009. – 512 с.

15 Доклад Совета Федерации Федерального собрания РФ 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. М., 2010. – 508 с.

16 Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики / кол. авт. ; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: ПАГС им. П.А. Столыпина, 2009. – 264 с.

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ

Чистанов М.Н., д.ф.н., заведующий кафедрой философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Российская Федерация)

Кабжанов А.Т., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин Академии «Болашақ»

Турлаев А.В., к.ю.н., профессор кафедры истории и теории государства и права КарГУ им. академика Е.А. Букетова

*Свобода – это, в первую очередь,
не привилегии, а обязанности
Камю А.*

Свобода и ответственность две стороны одного целого. Каждая из этих категорий существуют, дополняя друг друга. Тезис о том, что любая форма закона есть ограничение свободы ради обеспечения свободы другого, актуален в настоящее время. Свобода – такое состояние субъекта, в котором он является определяющей причиной своих действий, то есть они не обусловлены непосредственно иными факторами, в том числе природными, социальными, межличностно-коммуникативными и индивидуально-родовыми [1]. В настоящее время существует множество различных определений свободы. В этике понимание свободы связано с наличием свободы воли человека. В философии: Свобода – возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества [2].

В праве свобода – это закреплённая в конституции или ином законодательном акте возможность определённого поведения человека (например, свобода слова, свобода вероисповедания и т. д.). Категория свободы близка к понятию права в субъективном смысле, однако последнее предполагает наличие юридического механизма для реализации и обычно соответствующей обязанности государства или другого субъекта совершить какое-либо действие. Напротив, юридическая свобода не имеет четкого механизма реализации, ей соответствует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данную свободу действий [3]. Так, в «Декларации прав человека и гражданина» (1789, Франция) свобода человека трактуется как возможность «делать всё, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» [4]. Однако всех их объединяет сам факт ценности для человека свободы, но соразмерно, ограниченная ответственностью.

Характерное для нашего времени расширение законодательной регламентаций общественных отношений в вопросах о соотношении свободы и ответственности начинает вызывать тревогу, ибо свобода более ограничивается, а ответственность узурпирует возможность реализации свободы.

Существует несколько моделей взаимоотношений личности и общества по поводу свободы и ее атрибутов. Во-первых, это отношения борьбы за свободу, когда человек вступает в открытый и часто неразрешимый конфликт с обществом, добиваясь своих целей любой ценой. Это трудный и опасный путь, чреватый тем, что человек может утратить все другие человеческие качества и попасть в еще худшее рабство. Во-вторых, это бегство от мира, когда человек, будучи не в силах обрести свободу среди людей, бежит в монастырь, в скит, в себя, в свой «мир», что бы там реализовать себя [5, 30-41]. В-третьих, чаще всего, человек адаптируется к миру, жертвуя своим стремлением обрести свободу, идя в добровольное подчинение, с тем, чтобы обрести новый уровень свободы.

Для того чтобы выявить сущность феномена свободы личности, нужно разобраться в противоречиях волюнтаризма и фатализма, определить границы необходимости, без которой немислима реализация свободы. Волюнтаризм рассматривает волю в качестве принципа жизни